

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

ЦЯНЬ ЦАЙ СКАЗАНИЕ О ЮЭ ФЭЕ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМ,
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Перевод с китайского
В. ПАНАСЮКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1963

Вступительная статья
Л. ЭЙДЛИНА

Стихи в переводе
И. ГОЛУБЕВА

Художник
В. НОСКОВ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЮЭ ФЭЯ В РОМАНЕ ЦЯНЬ ЦАЯ

Это роман о китайском национальном герое Юэ Фэе. Юэ Фэй, родившийся в 1103 году, жил во время правления династии Сун, в так называемом сунском Китае, феодальном государстве, верховная власть в котором принадлежала императору.

Огромную роль в жизни страны, конечно, играли крестьяне, трудившиеся на собственных землях или арендовавшие землю у государства и у помещиков. Арендаторы составляли больше половины всего населения. С ними мы не раз встречаемся и в романе. У крестьян-арендаторов после расплаты с владельцем поля оставалась меньшая часть урожая. Много земли было в собственности у монастырей.

В сунском Китае были развиты промыслы по добыче металлов и соли. Процветали ремесла, в особенности шелкоткацкое. Уже созданы были текстильные мануфактуры, на которых трудилось до нескольких сот мастеровых. Уже существовало разделение труда, и можно говорить, таким образом, о передовом для того времени способе производства.

Росла внутренняя и внешняя торговля. Китайские купцы ездили по сухопутью на север и запад, где торговали во времена недолгих перемирий с государствами Ляо и Ся, по морю же ходили в страны южных морей,— там особенно ценились китайские золото, серебро, шелк и фарфор.

Сунский Китай был страной высокой культуры, развивавшейся на протяжении многих столетий. Именно в нем в XI веке было изобретено печатание подвижным шрифтом. Благодаря этому до нас дошло множество сочинений науки и литературы также и досунских времен. Что же касается сунского времени,

то здесь нам следует упомянуть исторические труды Оуян Сю, написавшего «Историю Пяти династий» и Сыма Гуана — автора первой в Китае не династийной, а сводной истории, кончающейся эпохой Пяти династий, то есть началом становления сунского государства. Эти и другие историки были одновременно и философами и поэтами. И конечно же, говоря о литературе, следует прежде всего назвать имя великого Су Ши, а говоря о философии — Чжоу Дунь-и и Чжу Си — комментатора поэтических и конфуцианских книг, нового истолкователя конфуцианства. Высоких вершин достигла живопись, в искусстве пейзажа пришедшая к поэтическому проникновению в мир природы, в искусстве же портрета давшая уже ту индивидуализацию, какой не знала живопись предшествующей танской эпохи.

Время господства династии Сун было, о чем нам придется неизбежно говорить ниже, временем непрерывных войн, и оно породило такие изобретения, как порох и зажигательные стрелы. Во второй, южный период сунского государства появились и пушки, стрельбу из которых мы так часто слышим в романе.

В книге рассказывается о войне. Эта война была продолжением многих войн, которыми ознаменовано все существование сунской империи. Уже в X веке в Северный Китай вторглись кидани, основавшие государство Ляо. Уже эта война рождает героев, имена которых остались на страницах китайской истории. В плену у киданей гибнет не пожелавший склониться перед ними полководец Ян Е.

Но история сохранила нам также и сведения о той позорной политике, которую проводили сунские императоры, боявшиеся патриотического всенародного подъема и искавшие путей для примирения с захватчиками. Так, в 1004 году сунское правительство заключило мир с киданями и согласилось платить им ежегодно сто тысяч лан серебра и двести тысяч кусков шелка.

Так же точно поступила династия Сун и с нападавшими с запада обитателями страны Западной Ся — тангутами. В 1044 году по мирному договору с ними Китай должен был выплачивать ежегодную дань в семьдесят две тысячи лан серебра, сто пятьдесят три тысячи кусков шелка и тридцать тысяч цзиней чая.

Мы не будем здесь рассказывать о том, как пытались сунские правители спасти свое государство, какие меры принимали они, чтобы укрепить его. Для этого нам пришлось бы коснуться знаменитых реформ Ван Ань-ши, государственного сановника и поэта, борьбы консервативно настроенной верхушки с этими реформами и многого другого. Ограничимся лишь тем, что относится непосредственно к содержанию романа. Юэ Фэя еще не было на

свете во время войн и унижительных мирных договоров, сделавших прежде могущественный Китай данником сначала киданей, а затем тангутов. Его ждали иные противники, воспользовавшиеся пагубным стремлением сунских императоров к оборонительной тактике в отношениях со своими слишком воинственными соседями.

Этими иными противниками оказались чжурчжэни, отнявшие часть территории у киданей, а затем в 1125 году и вовсе уничтожившие государство Ляо и захватившие императора этого государства в плен. Сами чжурчжэни основали государство Цзинь во главе со своим предводителем Агудой. Вместо того чтобы воспрепятствовать усилению мощи нового врага, сунские правители объединились с ним для похода на киданей. Чжурчжэни же после падения Ляо немедленно выступили против Сунской империи. Они дошли до столицы Сунов, Кайфына. Сопротивление возглавил полководец Ли Ган, имя которого читатель встретит в романе. Ли Гану пришлось, кроме войны с чжурчжэнями, вести войну и со стоящей у власти группой сторонников повторения позорных мирных договоров. Успехам чжурчжэней способствовали предатели, подобные одному из действующих лиц романа — Чжан Бан-чану. С помощью народа Ли Гану на этот раз удалось отстоять Кайфын, который был все же захвачен чжурчжэнями потом, в начале 1127 года, и освобожден лишь спустя четыре месяца.

В 1127 году единственный, оставшийся на свободе, представитель Сунской династии, Кан-ван, младший брат находящегося в плену императора Цинь-цзуна, становится императором Гаоцзун и начинает новую династию Южная Сун. При дворе, как и прежде, продолжается борьба между сторонниками подчинения чжурчжэням и подлинными патриотами. Один из изменников, саванник Цинь Гуй впоследствии сыграл роковую роль в жизни страны. По его наущению был убит Юэ Фэй.

Император Гаоцзун не сумел подняться выше своих предшественников. Он был, по-видимому, слабый человек, не пользовавшийся симпатиями народа. Читатель может увидеть это и по тому, как обрисован его облик в романе, питающемся, что мы покажем впоследствии, также и народными представлениями об истории. Однако же, несмотря на все свое нежелание, Гаоцзун, побуждаемый патриотическими настроениями в народе, вынужден был продолжать сопротивление чжурчжэням. Приблизительно то же, если мы вспомним, повторилось в Китае во время вторжения японских империалистов, когда Чан Кай-ши, вопреки своему стремлению к капитуляции, должен был объявить войну Японии!

На севере, в местах, захваченных чжурчжэнями, организуются целые народные армии, совершающие стремительные налеты на города и села, держащие в постоянном трепете врага, по существу, воюющие теми методами, которые впоследствии стали называться партизанской войной.

В первые годы правления Гаоцзуна во главе правительства стоит известный нам по обороне Кайфына, знаменитый в народе полководец Ли Ган. В это время Кайфын обороняет миллионная армия под командованием Цзун Цзэ. Для ее содержания необходимы большие средства. Ли Ган вызывает возмущение правящей верхушки своим требованием собрать деньги на военные расходы среди тех, кто в состоянии их дать, то есть среди торговцев, помещиков, государственных чиновников. Вокруг все делается для того, чтобы подчиниться государству Цзинь. Проводится политика соглашательства с врагами и все больших притеснений внутри страны. А между тем народ уже сражается к югу от Янцзы, и цзиньские войска в начале 1130 года бегут на север. Отступление чжурчжэней не воодушевляет императора и окружающую его клику изменников, а скорее вселяет в них тревогу. Они испытывают все более сильную боязнь перед воспрянувшим народом.

В 1138 году император ставит во главе правительства предателя Цинь Гуй. В стране нарастает недовольство изменническими действиями верховных сановников, поднимаются новые восстания. Повстанцами, по всей видимости, являются те, кого автор романа называет разбойниками.

В то время, о котором мы говорим, Юэ Фэй уже был одним из самых известных полководцев. Он родился в бедной семье, но судьба его сложилась так, что он сумел получить нужное для военной карьеры образование и благодаря своим талантам выдвинуться, а благодаря душевным качествам — благородству, прямоте, любви к людям — стать человеком, популярным в народе, из которого он вышел.

В 1139 году Китай заключил очередной свой постыдный и разорительный мирный договор с государством Цзинь, по которому китайский народ должен был ежегодно платить дань в двести пятьдесят тысяч лан серебра и двести пятьдесят тысяч кусков шелка. Но сын императора государства Цзинь, полководец Учжу нарушил перемирие, и войска чжурчжэней снова двинулись на юг. Юэ Фэй и его полководцы Лян Син и Ню Гао во главе разных частей армии Юэ Фэя теснили Учжу с трех сторон, и он вскоре вынужден был отступить. Войска Юэ Фэя дошли до Чжусяньчжэня и остановились всего в сорока пяти ли от Кайфына.

Народ ликовал. Слава Юэ Фэя опережала его войска. Юэ Фэй рвался вперед, крыленный надеждой на скорую победу. Но император Гаоцзун боялся этой победы, потому что старший брат его Циньцзун оставался в плену у чжурчженей, и Гаоцзун не хотел его возвращения. Это совпадало и с желанием изменнического окружения Гаоцзуна. Вот почему как раз тогда, когда войска Юэ Фэя готовились к переправе через Хуанхэ, полководец получил одну за другой двенадцать золотых табличек, каждая из которых означала приказ императора вернуться ко двору. «Труды десяти лет уничтожены в один день», как свидетельствует история, сказал Юэ Фэй и, плача, повернул войска. Население со слезами провожало воинов Юэ Фэя. Юэ Фэй отходил очень медленно, заботясь о том, чтобы народ имел время покинуть родные места вместе с войсками.

Гаоцзун стал жертвой своей политики. В 1141 году Учжу снова двинулся на юг, вступил на левый берег Янцзы и через изменника Цинь Гуя заявил, что согласится на мир только в том случае, если будет казнен Юэ Фэй. В конце 1141 года Юэ Фэй, его двадцатидвухлетний приемный сын, уже покрывший себя славой на поле боя Юэ Юнь, и преданный Юэ Фэю полководец Чжан Сянь по приказу Цинь Гуя были брошены в тюрьму. В тюрьме их тайно умертвили. Юэ Фэй был убит после долгих и жестоких пыток. Тюремные служители, рискуя жизнью, зарыли его останки в заброшенном храме Цзюцзюй в Ханчжоу за городскими воротами Цяньтанмэнь.

Так кончилась жизнь того, о ком враги говорили: «Легко отодвинуть гору, трудно отодвинуть войско Юэ Фэя». Его убили презренные люди, принесшие новые унижения своей многострадальной стране.

В 1163 году при императоре Сяоцзуне Юэ Фэй был прославлен как национальный герой, и прах его был торжественно предан земле над прекрасным озером Сиху. Здесь покоится он и теперь. Здесь был воздвигнут в 1221 году храм в честь Юэ Фэя. Во дворе храма растут камфарные деревья и кипарисы. Слева от входа сохранился круглый каменный колодец, в который, по преданию, бросилась дочь героя, узнав о смерти отца. В центре главного зала храма стоит статуя Юэ Фэя, а в боковых крыльях — статуи верных его полководцев: чернолицего Ню Гао и светлолицего Чжан Сяня. На западной стороне храма находятся могилы Юэ Фэя и его сына Юэ Юня. Перед могилой Юэ Фэя высится причудливый камень в форме кипариса. По преданию, этот кипарис был свидетелем смерти героя. Жизнь дерева кончилась вместе с жизнью Юэ Фэя, и оно постепенно превратилось

в камень причудливой формы. Через семь веков, в 1928 году это дерево-камень было перенесено к могиле. Лицом к могилам Юэ Фэя и его сына за оградой стоят на коленях чугунные фигуры Цинь Гуя, его жены и двух сановников, помогавших им совершить их черное дело.

Сюда, где шумят вековые деревья, где сон Юэ Фэя охраняют каменные изваяния людей и боевых коней, приходят потомки тех, чьи жизни защищал герой. Имя Юэ Фэя осталось навеки в сердце китайского народа.

Юэ Фэй умер, а легенды о нем сказители-шошуды разносили по всей стране. Сразу после смерти героя это были устные сказания, а потом появились и записи «яньи». Самая последняя запись — предлагаемый читателю роман Цянь Цай «Сказание о Юэ Фэе», вобравший в себя все предшествующие ему сказания о великом полководце-патриоте.

Цянь Цай жил в конце XVII — начале XVIII века при господстве маньчжурской династии. Он был уроженцем города Ханчжоу, столицы южносунского государства, того города, в котором был погребен Юэ Фэй и где находится его храм. Больше ничего неизвестно об авторе романа. Вероятно, это был один из обычных для старого Китая конфуцианских ученых-начетчиков, иногда позволявших себе тайное пристрастие к «вульгарным» народным романам. Ясно и то, что он был смелым человеком, потому что произведение о самоотверженной борьбе с чужеземными захватчиками всегда могло быть воспринято во время маньчжурского господства как некий недвусмысленный намек.

Автор смертью главного героя не кончает роман. Он доводит свое произведение до времени восстановления славного имени героя. В романе после гибели Юэ Фэя остается старый его соратник Ню Гао, остается молодое поколение, сыновья тех, кто сражался вместе с полководцем. Так, впоследствии появляется, например, молодой воин, сын Ван Хэна, убитого предателями, захватившими Юэ Фэя. Герои мстят. Они гибнут один за другим. Уцелевшие возвышаются. Так, Юэ Лэй, один из сыновей Юэ Фэя, получает от императора Сяоцзуна должность своего замученного отца.

Народ хочет, чтобы виновные понесли наказание, и автор его придумывает сам, а может быть, пересказывает легенду, пришедшую к нему из других уст, и тогда в романе появляется ужасная смерть Цинь Гуя и его жены, и тогда император Гаоцзун падает за смертью от одного имени Юэ Фэя, и тогда погибает полководец чжурчженей Учжу, и только после этого указом императора Сяоцзуна, восстановившего справедливость, кончается «Сказание о Юэ Фэе».

Если мы станем рассматривать роман просто как произведение XVIII века, то нас неизбежно удивит странный анахронизм его: он написан почти так, как писались романы столетия за четыре до него. Это типичный многоглавный роман, как «Троецарствие», как «Речные заводи». И написан он приблизительно таким же ясным, близким к понятному на слух языком. Есть, правда, одно новшество по сравнению с традиционными романами: новеллы-главы, из которых состоит он, почти всегда объединены присутствием в них главного героя.

Но мы думаем, что роман этот надо рассматривать не просто как авторское произведение и эпигонское повторение китайского героического романа, а скорее как запись тех сказаний о Юэ Фэе, которые появились среди крестьян и обрастали с течением времени все новыми подробностями, все новыми удивительными событиями. И тогда нам роман не покажется анахронизмом, и тогда нас в нем, запечатлевшем действительные происшествия, не удивит волшебная сказка, как не удивляет нас Змей Горыныч или Соловей Разбойник, существующие там, где есть историческое лицо — князь Владимир. И тогда для нас роман этот окажется уже не просто историческим романом, к какому мы привыкли в европейской литературе, и не только героическим, но и волшебным.

Итак, примем роман как эпос, пересказанный Цянь Цаем, и это даст нам возможность разглядеть, где в нем кончается творение народное и где автор выражает свои взгляды, обусловленные и временем, и влиянием общественного слоя, к которому автор принадлежал.

Народ гордился своими защитниками. Ему хотелось представить их всемогущими, и в романе предводитель войска Цзун Цзэ стремится один ворваться в лагерь чжурчженей: он верит в свои силы. Но наряду с этим трезвый, реалистический ум народа вносит коррективы в выдуманные события. Герой не всегда побеждает. Его могут взять в плен, как берут в плен Хань Шичжуна и его сына, ему не зазорно и убежать, когда он видит, что с противником не справиться.

Народ жаждет спасения своего героя, и коль скоро в нашем человеческом мире земные возможности не безграничны, он вводит в действие сверхъестественные силы. Когда Кан-ван убегает от Учжу и Кан-вана сбрасывает коня, из леса выходит святой даос и предлагает ему своего коня. Этот конь, оказавшийся потом глиняным, переносит будущего императора через реку. Волшебник дарит Ню Гао туфли, в которых можно ходить по воде, и чудодейственную стрелу. Волшебство нужно еще и потому, что иначе не победить силы, покровительствующие захватчикам:

дракон спасает Учжу из рук поймавшего его лодочника, злая колдунья предоставляет тому же Учжу три тысячи рыб-воинов и превращает поле боя в бушующее море.

Народ ненавидит Цинь Гуя и уготовляет ему муки ада. Как бы для того, чтобы мы скорее поверили в реалистичность этого, ад со всеми его страхами предстает перед нами вначале как сон Хэ Ли, слуги Цинь Гуя, а потом и как действительность. Все это естественные элементы эпоса с присущей ему гиперболичностью и сказочностью, введенные Цянь Цаем в его исторический роман.

Насколько близок этот роман к «Троецарствию» или «Речным заводам»?¹ В нем нет-нет да появляется кто-либо из молодых Ляншаньбо или из их ближайших потомков, вдобавок с теми же приметами красоты выдающегося человека, что и в классических романах, то есть с ушами, свисающими до плеч. Но автор, конфуцианец, старается исправить народные представления и ввести их в привычное ему русло. Идеи классических романов он не всегда принимает. Он не одобряет то, что Ян Цзао-син, потомок знаменитых полководцев Янов, не хочет служить ничтожному императору, и намеренно изображает Юэ Фэя как человека, который образцово служит самой идее династийной императорской власти. Юэ Фэй верен этой идее и тогда, когда его схватили изменники от имени императора. Ван Хэн защищает его, но Юэ Фэй велит ему не шевелиться, несмотря на занесенный меч. И меч опускается на голову верного Ван Хэна. Здесь, правда, жизненная достоверность все-таки заставила автора показать, как наивен Юэ Фэй в своей преданности трону и как бесстыдны его враги, не постеснявшиеся воспользоваться подложным императорским указом.

В своих конфуцианских предрассудках автор идет дальше. Так, Чжан Бао проникает в тюрьму и хочет вывести из нее Юэ Фэя, но тот не соглашается уйти без государева указа. Не хотят уходить и Юэ Юнь и Чжан Сянь: «Подданные должны почитать государя, сыновья — родителей». Чжан Бао тоже верен долгу и не желает оставаться в живых, он убивает себя. Автор рисует Юэ Фэя безропотно принимающим смерть. Мы не можем верить, чтобы таким представлял себе народ своего героя.

Конфуцианская идея почитания родителей в ее, если угодно, изуверском понимании проводится автором в рассказе о смерти

¹ См. Ло Гуань-чжун, Троецарствие, роман в двух томах, Москва, Гослитиздат, 1954.

См. Ши Най-ань, Речные заводы, роман в двух томах, издание второе, Москва, Гослитиздат, 1959.

Цао Нина. Полководец Цао Нин, один из любимых приближенных Юэ Фэя, убивает изменника-отца. Юэ Фэй прежде всего видит в этом поступке нарушение сыновнего долга и прогоняет Цао Нина со своих глаз. В ужасе от содеянного, Цао Нин вонзает меч себе в грудь. Невольно в противовес этому вспоминается Тарас Бульба, покаравший предателя-сына. Так пишет художник, когда предубеждения не застилают его взора, когда он следует истинно народным представлениям о долге и верности родине.

Роман привлекает своими батальными сценами, но автор все же не поднимается до той игры ума, рождающей воинскую хитрость, какую мы видим в лучших главах «Троецарствия». Иначе в романе не было бы таких эпизодов, как заманивание Цзи Цином в ловушку чжурчжэньского полководца Учжу, человека пронырчателюного и опытного. Цзи Цин легко вызывает раздражение Учжу, заявив, что тот боится преследовать его, и Учжу, который знает о засаде, в дикой ярости бросается за Цзи Цином. Странная тупость, безрассудное подчинение грубым чувствам. Может быть, это происходит от неумения автора быть сотворцом дошедшего до него эпоса, от неумения отбросить то лишнее, без чего рассказ приобретает большую гармоничность и целостность?

Может быть, поэтому в романе мы не ощущаем и той особой атмосферы, какую создавали в определенных кругах сунского общества тончайшая литература и искусство той эпохи? В книге мы замечаем почтительное отношение к образованности, и это характерно для Китая, но сама китайская образованность показана мало, и автор сохраняет грубую сторону эпоса, отразившего, конечно, грубость своего времени, существовавшую наряду с той утонченностью, о которой мы говорили и которую автор не сумел донести.

Но и представленные в романе стороны жизни чрезвычайно интересны и увлекательны, а главное, достоверны. Так нетороплив был ход времени в феодальном Китае, что автор и в начале XVIII века мог видеть многое из описанного им и относящегося к той далекой поре, когда жили его герои. Мы читаем о костюмах, в которые они были одеты, об обстановке, в какой они готовились к экзаменам в уезде, о самих экзаменах и о многом, многом другом. Перед нами живые приметы жизни, добрые и дурные люди. В первых главах книги наводнение лишает крова семью Юэ Фэя; береговые жители жадно расхватывают приплывшее имущество, и только двое из них спасают Юэ Фэя с матерью. Мы вдруг обнаруживаем, что не так уж нов способ обучения грамоте, о котором мы несколько лет тому назад прочитали в автобиографической повести современного китайского

писателя Гао Юй-бао:¹ оставшийся без средств маленький Юэ Фэй тоже чертит прутиком на песке иероглифы.

Очень просто заключаются браки. Юэ Фэй даже не видел дочери начальника уезда Ли Чуня, на которой он женится: роскош хорош, и этого достаточно. А сын Ню Гао — Ню Тун женится на девушке, отца которой он убил, и особенно не размышляет по этому поводу.

Автор охотно разворачивает перед нами картины повседневной жизни и низов и верхов общества. После сказок «Тысячи и одной ночи» мы встречаемся на этот раз уже не с халифом и его везиром, а с императором Гаоцзуном, который переодевается в платье купца и вместе с предателем Цинь Гуем ходит по городу.

Мы узнаем о быте и нравах чжурчжэней. Есть основания думать, что подробности их жизни, по-видимому наблюденные очевидцами, достаточно правдивы. Интересно, что на состязаниях для выборов главного полководца, которые происходят у Агуды, когда поднимают железного дракона весом в тысячу цзиней, Агуда вспоминает китайских героев — Сян Юя, У Цзы-сюя. И тот же Агуда не любит своего четвертого сына Учжу за то, что тот преклоняется перед всем китайским. Народное предание подчеркивает и жестокость чжурчжэней: спасаясь на кораблях от войск Юэ Фэя, они сбрасывают за борт незнатных воинов, представляющих собою лишний груз.

Книга демократична. В ней ясна связь между народом и его героями. Начать с того, что Юэ Фэй беден, и эта бедность не изображается как несчастье для человека. Он беден, и этим только похож на тех других, которых намного больше, чем богатых.

Герои книги — самые простые или занимающие высокие должности в войсках — грубы и неприхотливы, но они ценят благородство чувств. Так, рыбаки идут на смерть, чтобы спасти малоизвестного им государя Кан-вана. Рыбаки ведут Учжу по самому берегу реки, зная, что на них обрушится вал и вместе с Учжу неизбежно погибнут и они. Попавший в плен к чжурчжэням Цуй Сяо находит царственных пленников в яме, куда они были брошены, и, не думая о том, что это грозит ему казнь, приносит им овечьи шубы и мясо.

Автор, продолжая традицию старых народных романов, с возмущением пишет о бесчинствах, творимых помещиками и продажными чиновниками. Они изменяют своей родине, притесняют крестьян. И государь их слушается. Автор вкладывает в уста

¹ См. Гао Юй-бао, Я хочу учиться, повесть, Москва, Детгиз, 1956.

чжурчжэня Учжу слова, обличающие сунского императора и его окружение, и в этих словах правда: «Он возводит дворцы, а народ стонет от тягот...»

Верный проповедуемой им конфуцианской идее преданности государю, автор не высказывает прямого неодобрения, но дает все же понять, как непривлекательны многие черты представителей господствующей династии. Достаточно ничтожен Циньцзун, посылающий к чжурчжэням заложником своего младшего брата, будущего императора Гаоцзуна. Не лучше и Гаоцзун, слабый и робкий. В самое критическое время, когда наступают чжурчжэни, он пирует с красавицей Хэ-сян. Из книги ясно одно: эти люди меньше всего думают о народе своей страны.

В книге, среди множества действующих лиц, мы выделяем двух главных героев: это Юэ Фэй и его противник Учжу. Мы уже говорили о том, что, в отличие от других многоглавных романов, здесь главы не представляют собою отдельных повелл: в каждой из них присутствует либо сам Юэ Фэй, либо та ясно видимая нить, что приведет к нему. Юэ Фэй добр и велик в своем внимании к людям. Он понимает, что ему надлежит заботиться о многом. И поэтому так чист предписываемый им кодекс поведения предводительствуемых им войск, и поэтому (здесь соединяется в нем общечеловеческое и конфуцианское), беспокоясь о потомстве, велит он жениться Ню Гао. Он не хочет насилия там, где в нем нет необходимости, и дважды отпускает враждующего с ним Хэ Юань-цина, который отказывается служить сунской династии. Он не раз спасает людей от казни.

И в то же время он дик и неистов в своей фанатической целеустремленности. Когда сын его Юэ Юнь захватил в плен вместо Учжу другого цзиньского военачальника, Юэ Фэй в ярости хочет отрубить голову Юэ Юню. Образ Юэ Фэя однолинеен, и автор даже не пытается показать здесь борьбу возмущения Юэ Фэя с естественным чувством любви к сыну. Подобных сложностей вообще нет в романе. Но если автор бессилен в изображении психологической стороны, то нельзя отказать ему в реалистическом описании самих действий его героев: оклеветанный Юэ Фэй, как это случается в жизни человеческого общества разных времен, обвиняется именно в том, что присуще обвинителям, в данном случае — в прекращении войны с чжурчжэнями, в притеснении населения, в присвоении средств для снабжения войска.

Вызывает восхищение принесенная в эту книгу объективность народного суждения. Учжу — враг. Но он благороден. Может быть, здесь сыграло свою роль тяготение Учжу ко всему китайскому, так не нравившееся отцу его Агуде. Учжу не

предает смерти своего будущего врага — грудного ребенка правителя Луаньчжоу Лу Дэна, что было бы естественно в те времена, а усыновляет его. Учжу приказывает убить вероломную наложницу Кан-вана, которая сожалеет о том, что Учжу не успел захватить его. Учжу в восторге от мужества жены полководца Хань Ши-чжуна, которая сама повела в бой войска.

Читая книгу, мы все больше убеждаемся в том, что здесь эпос китайского народа, представление его о великих исторических событиях определенной эпохи. Автор скорее стремился довести до нас этот эпос в неискаженном виде, и старания его в общем увенчались успехом. Дело современного читателя быть внимательным в тех случаях, когда автор вырывается из народной стихии. Мы уже отметили некоторые из них, в частности, так не соответствующее народному сочувствию отрицательное отношение автора к повстанческому войску Ян Яо.

Нам остается сказать о характере реализма романа. Это тот наивный реализм, который присущ эпосу. Герои романа не индивидуализированы, а типизированы в своих чувствах и чертах характера. Они примитивны, автор не наделяет их сложной противоречивостью чувств. Вот еще один пример этого. Учжу усыновил сына Лу Дэна. Лу Вэнь-лун узнал об этом через тринадцать лет и одержим одной лишь ненавистью к воспитавшему его Учжу, которого он хочет немедленно убить. Герои часто подчиняются первому импульсу, не задумываясь над тем, к чему это может привести. Не задумывается над этим и автор.

Таковы достоинства и недостатки интересной книги Цянь Цая, стоящей в следующем ряду за классическими китайскими романами и во многом повторяющей присущие им черты.

Еще появится не одна книга о Юэ Фэе, и в этих книгах великий человек будет изображен во всей сложности своей незаурядной натуры. Но и тогда читатель обратится к труду Цянь Цая и с наслаждением вдохнет хранимый в нем аромат далеких времен.

Л. ЭЙДЛИН